

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XLV ВИНОГРАДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В МГУ – 2014

15 января 2014 г. на филологическом факультете МГУ состоялись XLV Виноградовские чтения. 2014-й – особый год, он ознаменован серией юбилеев: 17 (5) июня исполнится 150 лет со дня рождения А.А. Шахматова, учителя В.В. Виноградова, 28 (16) октября – 120 лет со дня рождения В.В. Виноградова (эта дата установлена краеведами г. Зарайска), 4 августа – исполнится 90 лет ученице В.В. Виноградова Г.А. Золотовой. Тема чтений этого года – «Имя и глагол в языковой системе и в науке о языке XX–XXI вв. (Уроки В.В. Виноградова)». Эта тема не звучит юбилейно, но именно в такой формулировке она выражает преемственность между тремя выдающимися филологами. «Синтаксис русского языка» Шахматова, «Грамматическое учение о слове» Виноградова, «Синтаксический словарь» Золотовой – эти труды предьявляют важнейшую тенденцию в классической русистике: утверждение равной значимости двух полюсов грамматической системы – имени и глагола.

Во вступительном слове декана филологического факультета проф. *М.Л. Ремнёвой* была отмечена особая важность виноградовской традиции в русской филологии, Виноградовской школы в русской грамматике. Ежегодные Виноградовские чтения традиционно собирают представителей разных школ и направлений в современной лингвистике, позволяют увидеть разные подходы к лингвистическим объектам, задают тон начавшемуся научному году.

Программа чтений включала восемь докладов, в которых обсуждалась самая широкая проблематика – науковедческая, общеграмматическая и типологическая, семантико-синтаксическая, текстологическая; языковые явления рассматривались в синхронии и в диахронии. Одним из центральных объектов стала падежная грамматика в русском языке, представленная в свете разных научных теорий. Докладчиками стали работники академических институтов, преподаватели московских и петербургских вузов. От филологического факультета МГУ докладами были представлены кафедра русского языка и кафедра теоретической и прикладной лингвистики.

Первый доклад – «Имя и глагол в Виноградовской школе русской грамматики» – прочитала канд. филол. наук *Н.К. Онипенко* (ИРЯ РАН, МГУ). Основное внимание докладчица уделила трудам своего учителя – проф. Г.А. Золотовой, которая в разные периоды своего научного творчества обращалась к идеям академика Виноградова. Именная составляющая грамматической теории Виноградова воплотилась в функциональном синтаксисе и, в частности, в функциональной типологии именных синтаксисов, положенной в основу «Синтаксического словаря» (1988). Н.К. Онипенко показала, что идея косвенного падежа подлежащего, которую Г.А. Золотова отстаивает с 1960-х годов, является следствием паритета имени и глагола в синтаксисе предложения, тем самым Г.А. Золотова утверждает взаимозависимость и

семантико-синтаксическое взаимодействие конститутивных компонентов модели предложения. Такой подход, связанный в русской грамматике с отказом и от verbo-, и от номинотцентризма, в зарубежной лингвистике получил название «грамматики конструкций». Это направление начало активно развиваться за рубежом в 1990–2000-е годы и получило признание в отечественной лингвистике в 2010-е годы. Следующим шагом в развитии функционального синтаксиса Г.А. Золотовой стала семантико-синтаксическая классификация глаголов, в которой исходной точкой мышления становится не глагол, а семантика и структура модели предложения. Глагольная проблематика позволила перейти от синтаксиса предложения к грамматике текста. На этом этапе Г.А. Золотова уделяет особое внимание глагольному виду и, развивая идеи В.В. Виноградова, вводит понятие функции видо-временной формы глагола, которое распространяется и на именные предикаты. Заключительную часть доклада Н.К. Онипенко посвятила категории лица. В «Грамматическом учении о слове» Виноградова эта категория является общей для имени существительного, местоимения и глагола; в виноградовской стилистике художественной речи категория лица – основа текстовой категории «образа автора»; в концепции коммуникативной грамматики (1990–2000-е годы) категория лица воплощается в модели субъектной перспективы текста.

Член-корреспондент РАН В.М. Алпатов (ИЯЗ РАН) в своем докладе возвратился к своим идеям, высказанным в работах второй половины 1980-х годов, и обратился к «вечному» вопросу грамматики – к вопросу о частях речи. Докладчик проследил историю частеречных классификаций, роль греческой и латинской античной традиции для современных европейских и восточных языков, разные подходы к количественному составу частей речи в разных языковых системах, а также рассмотрел четыре принципа классификации частей речи: семантический, морфологический, синтаксический, «основанный на интуиции» (т. е. учитывающий все или часть из вышеперечисленных признаков). Докладчик показал, что есть понятия, которые в разных языках категоризируются одинаково, – это действия, качества, предметы. Но есть и такие понятия, которые в разных языках категоризируются по-разному, это касается разграничения действия/качества, качества/состояния, например, в японском языке *богатый* – глагол, а *болеть* – прилагательное. Докладчик считает, что, несмотря на неуниверсальность и самого понятия части речи, и количества частей речи, фактически представление о частях речи можно видеть в европейской, индийской, арабской, японской традициях, где независимо друг от друга были разграничены имя и глагол. Эти лингвистические представления находят подтверждение данными психолингвистики и онтолингвистики.

Проблематика падежной грамматики была затронута в докладе проф. А.Ф. Дремова (МГИМО; HUFS) «Системная теория падежа и предлога». Докладчик обратился к трудам Г. П. Мельникова, в которых падеж рассматривается как средство формального выражения содержательной связности полипредикативного сообщения (компрессированного первообразного текста). Такое сообщение признается необходимым для исчерпывающего описания события. Внешней формой такого сообщения является простое предложе-

ние, а значением, или внутренней формой, – каузальный (диалектический) силлогизм, большая (координационная; обосновывающая) посылка которого объективируется личной формой переходного глагола (сказуемого простого предложения), а меньшие (координируемые; основные) – падежами. Падеж понимается как свернутое простейшее предложение; основой падежа называется участвующий в событии субъект или объект, а флексией – его функция, роль в развитии события. Предлог, выражающий, в отличие от переходного глагола, не связь, а отношение, – это знаменательная часть речи, выполняющая в простом предложении функцию «вторичного, зависимого, координируемого сказуемого». Для иллюстрации своих положений докладчик привлек перифразы и трансформации простого предложения с помощью залога, конверсивов и каузативов.

Доктор филологических наук *Я.Г. Тестелец* (РГГУ, ИЯз РАН) в своем докладе привлек внимание к четырем «регулярным падежным чередованиям» в русском языке: 1) именительный/творительный падеж именного сказуемого при выраженной финитной связке: *Он был учитель – Он был учителем*; 2) именительный/винительный падеж, *учитель* чередующийся с творительным в присказуемых именах: *Он пришел первый – Он пришел первым*; 3) именительный/винительный падеж и винительный/родительный при отрицании: *Письмо не пришло – Письма не пришло; Мы не получили письмо – Мы не получили письма*; 4) винительный/родительный падеж при интенциональных глаголах: *Жду автобус – Жду автобуса*. Их объединяют два признака. Первый признак состоит в том, что в каждом чередовании участвует один из двух «прямых» («грамматических», или «структурных») падежей – именительный или винительный. Второй общий признак – расплывчатость или диффузность семантики чередований: несмотря на усилия множества исследователей и самые эффективные инструменты семантического анализа, до сих пор нет общепринятого ответа на вопрос, что означают эти чередования; в части случаев каждое из четырех чередований, по-видимому, не выражает никакого различия в семантике. Докладчик поставил своей целью обосновать структурную возможность подобных чередований: основываясь на структуре других именных конструкций, которые возможны только в контекстах прямых падежей (*много ошибок; немало сотрудников; около пяти человек; по груше; что за вопрос...*) и на данных типологии падежа, Я.Г. Тестелец выдвинул гипотезу, что при падежных чередованиях косвенный падеж выбирается в зависимости от скрытых факторов падежного управления – нулевого предлога, нулевого квантора или нулевой нефинитной связки. Было выдвинуто предположение, что такие нулевые грамматические элементы характеризуются неопределенным, диффузным значением.

Профессор *М.Я. Дымарский* (РГПУ им. А.И. Герцена) в докладе «Номиноцентризм vs. вербоцентризм в русской грамматической науке» показал, что известная оппозиция, вынесенная в заглавие его доклада, в реальности является оппозицией бицентрического и моноцентрического подходов к интерпретации синтаксической структуры предложения. В аспекте моноцентризма/бицентризма были рассмотрены синтаксические учения XVIII–XX вв.: концепция М.В. Ломоносова; размышления Н.И. Богородицкого, за

полвека до А.А. Шахматова близко подошедшего к понятию односоставного предложения (1868); теория А.А. Дмитриевского, послужившая предтечей «крайнего вербоцентризма» (В.Г. Гак) Л. Теньера. Особое внимание было уделено одному из наиболее последовательных проявлений моноцентрического подхода – версии грамматики зависимостей, развиваемой группой лингвистов под руководством акад. Ю.Д. Апресяна. Пристальное внимание к этой синтаксической концепции объясняется тем, что результаты ее практического применения размещены на сайте Национального корпуса русского языка. Рассмотрев несколько «деревьев» – схематических отображений структуры предложений в интерпретации создателей «синтаксического подкорпуса», – докладчик пришел к выводу, что последовательный моноцентризм приводит не к вербоцентрической, а к «что-угодно-центрической» интерпретации структуры предложения, не замечающей, в частности, элементарных проявлений эллипсиса и даже инкорпорирующей в структуру предложения вводные элементы. Данная концепция, по мнению докладчика, игнорирует более чем значительную часть отечественной (и не только) синтаксической традиции и предлагает решения, вызывающие многочисленные возражения. Такое положение дел, когда речь идет о Национальном корпусе русского языка, является, по мнению М.Я. Дымарского, неприемлемым.

В докладе канд. филол. наук И.И. Макеевой (ИРЯ РАН) «О взаимосвязи лексической семантики и текста в диахронии (на материале глаголов движения)» обсуждалась лексико-семантическая эволюция глаголов, развития вторичных (метафорических) значений, связанных с обозначением другого субъекта, с иным способом, с другой средой. В русском языке XI–XVII вв. движение-перемещение в водной среде обозначали десять основных глаголов, частотность которых в письменных источниках была разной. У *плуты/плавати* и *брести/бродити* обозначение движения в воде было исконным; у *ити /ходити*, *ехати /ездити*, *бегати /бежати* возникло в процессе семантической эволюции слов. Движение-перемещение судна и человека на судне обозначали глаголы *бежати*, *ити /ходити* и *плуты /плавати*. Только передвижение человека на судне передавали *ехати /ездити* и *бегати*. Две пары глаголов *плуты /плавати*, *брести /бродити* и глагол *ходити* обозначали активное и пассивное (умение держаться на воде) движение человека и / или животного. Значения фиксируются у слов в разное время. Докладчик проанализировала списки XV–XVII вв. одного из «морских» сказаний о чудесах св. Николая Мирликийского («Сказания о трех друзьях») и высказала предположение, что варьирование глаголов в рассмотренных списках свидетельствует о синонимических связях между этими глаголами. И.И. Макеева отметила также несколько редких употреблений глаголов *бродити* и *плавати*, когда они передают пассивное движение. Выявленные в списках сказания лексические замены указывают, во-первых, на то, что использование глаголов с вторичной семантикой движения в водной среде отодвигает сему «среда» на второй план и выводит на первый план общую идею перемещения; во-вторых, на то, что среда перемещения актуализируется за счет употребления глаголов *плуты / плавати*, которые появляются и в других сказаниях, что свидетельствует об экспансии этой пары слов в поздний старорусский период.

В докладе проф. *И.М. Кобозевой* (МГУ) «Семантика и синтаксис глаголов эмиссии» рассматривался подкласс перцептивных глаголов проявления, включающий глаголы света (*светить* и др.), звука (*шуметь* и др.), запаха (*пахнуть* и др.) и температурные глаголы (*греть* и др.). В основе всех глаголов данного подкласса лежит единая концептуальная схема эмиссии. Схема выявляется из анализа внутренней формы синонимичных глаголам эмиссии коллокаций (ср. *испускать свет / звук / запах / тепло*), содержащих полузнаменательный лексико-функциональный глагол типа *Oper1* (*испускать* или его синоним *издавать*, *изливать* и т. п.) с прямым дополнением, выраженным именным коррелятом глагола. Выявляются как общие семантико-синтаксические и деривационные свойства базовых глаголов эмиссии, так и особые свойства глаголов каждой из четырех семантических групп, выделяемых по параметру сенсорной модальности. Был сделан вывод о том, что различия между группами в аспекте актантно-ролевой структуры когнитивно мотивированы: они обусловлены особенностями восприятия человеком обозначаемых физических и химических явлений.

Программу чтений завершал доклад доц. *Н.В. Николенковой* (МГУ) «Глагол *числитель* в переводе Атласа Блау и история существительного *числитель* у В.В. Виноградова», в котором была затронута проблема постановки ударения в существительных, мотивированных глаголами. Эту проблему обсуждал В.В. Виноградов в «Истории слов» в связи со словом *числитель*, опираясь на взгляды В.А. Богородицкого и Л.Л. Васильева. В.В. Виноградов объяснял ударение в современном слове *числитель*, вслед за Богородицким, украинско-польским влиянием. Н.В. Николенкова, исследуя рукописный памятник, на который ссылаются ученые, говорит о невозможности на основании только Атласа Блау сделать такой вывод. История создания перевода, личность переводчиков и писцов нуждается в дополнительных исследованиях; кроме того, необходимо сопоставление с другими акцентуированными источниками того же периода. Предварительные выводы Н.В. Николенковой связаны с ориентацией текста не на разговорной, а на книжный язык Московской Руси XVII в.

Виноградовские чтения 2014 г. прошли на высоком научном уровне и подтвердили актуальность виноградовской грамматической теории, которая продолжает развиваться в трудах его учеников; возвращаясь к идеям академика Виноградова и к тем языковым объектам, которыми он занимался, современные лингвисты получают импульс для новых исследований, для того, чтобы по-новому увидеть и интерпретировать языковые явления.

Н.К. Онипенко, Е.Н. Никитина

Сведения об авторах: *Онипенко Надежда Константиновна*, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова. E-mail: onipenko_n@mail.ru; *Никитина Елена Николаевна*, канд. филол. наук, редактор журнала «Русская словесность», докторант ИРЯ РАН. E-mail: yelenon@mail.ru